

На правах рукописи

Коноваленко Анастасия Геннадьевна

БАЛЛАДЫ Э. ПО В ПЕРЕВОДЕ В. БРЮСОВА

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии
в ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Нина Евгеньевна Разумова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ирина Александровна Айзикова

кандидат филологических наук, доцент
Владимир Владимирович Максимов

Ведущая организация ГОУ ВПО «Кемеровский государственный
университет»

Защита состоится « 7 » марта 2007 г. в ___ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой
степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Томского государственного университета.

Автореферат разослан « 31 » января 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Валерий Брюсов – одна из наиболее значительных и многогранных фигур в русской культуре начала XX века. Его творчеству посвящено уже большое количество работ, однако по-прежнему актуальной является задача осмысления индивидуального творческого метода Брюсова, а некоторые области его деятельности ни разу не становились предметом систематического анализа.

В творчестве Брюсова большую роль играют литературные связи, к которым относится и поэтический перевод. Наиболее существенные результаты в исследовании его переводческой деятельности принадлежат М.Л. Гаспарову, Ю.Д. Левину, С.И. Гиндину. Самыми близкими Брюсову из переводимых авторов, как он сам неоднократно замечал, были Эмиль Верхарн и Эдгар По. Место Э. По в творческом сознании Брюсова осмыслено еще далеко не достаточно, хотя он привлекает Брюсова на разных этапах его творческого пути.

В центре нашего исследования находится перевод баллад. Категория жанра в современном литературоведении рассматривается неоднозначно; ее актуальность некоторыми исследователями даже ставится под вопрос, поскольку начиная с эпохи романтизма жанровые категории теряют четкие очертания, модели жанров в большинстве своем распадаются; «поистине центральной фигурой литературного процесса стал автор с его широко и свободно осуществляемой творческой инициативой». И все-таки жанр «отнюдь не утратил своего значения», хотя и «оказался “лицом вторым”»¹.

Жанровое мышление в строго каноническом виде присуще авторам эпохи классицизма, однако применение термина «жанровое мышление» правомерно и по отношению к творческим личностям других эпох. Так, в литературе о Брюсове отмечается рационализм как характеристика его личности, так и его поэтики. Брюсов был чрезвычайно чуток к форме, в том числе и к жанровой, своих произведений. Лирические жанры в творчестве поэта до сих пор остаются малоизученными, хотя на важность такого исследования указал еще Д.Е. Максимов². Исследователь считает, что Брюсов в своем творчестве ориентируется на предшествующую жанровую традицию. Это безусловно так, но при этом существенно, каким образом эта традиция переос-

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2004. – С. 355.

² Максимов Д.Е. Поэзия Валерия Брюсова. – Л., 1940. – С. 152.

мысливалась, трансформировалась в его теоретической и практической деятельности.

Жанр баллады, сыгравший яркую роль в истории мировой литературы, в настоящее время изучен еще явно не достаточно. В большинстве имеющихся работ баллады рассматриваются в контексте конкретной литературной эпохи (работы В.М. Жирмунского, Р.В. Иезуитовой, Л.Н. Душиной, М.А. Александровской и др.) или творчества определенного автора (статьи Е.П. Ханжиной, Ю.В. Зобнина, Е.Н. Опришко и др.). На данном этапе сущностные признаки этого жанра наиболее емко осмыслены С.Н. Бройтманом в новейшей «Исторической поэтике» (М., 2004). Очевидно, что баллада ждет полного и целостного исследования, очередным шагом к которому является данная работа.

Таким образом, **актуальность** диссертационного исследования определяется прежде всего потребностью в конкретизации и углублении представлений о рецепции творчества Э. По в России, в частности об особенностях интерпретации его произведений В. Брюсовым, чьи переводы в значительной мере определяют русский образ американского романтика (многие его стихотворения и в наши дни печатаются именно в переводе Брюсова). Актуальным представляется и жанровый аспект исследования, позволяющий прояснить историческое движение жанра баллады, а также принципиально связать формальные различия оригинальных и переводных текстов со спецификой отражаемой в них онтологии, что отвечает как возросшему интересу современного гуманитарного мышления к проблемам индивидуального, национально-эпохального своеобразия картины мира, так и получившему новый импульс развития сравнительному изучению литературы.

Объектом исследования являются оригинальные и переводные баллады В. Брюсова, новеллы, литературно-эстетические манифесты, критические статьи, переписка, рукописи, дневниковые записи В. Брюсова и Э. По. **Предметом исследования** является жанровая специфика переводческой рецепции В. Брюсовым баллад Э. По.

Основная **цель** данного исследования – проследить, как жанровые особенности баллад По и воплощенная в них онтология переданы в переводах Брюсова.

Для достижения данной цели решаются следующие **задачи**:

– проследить характер обращения русского поэта к личности и творчеству американского романтика;

- выявить и исследовать в жанровом аспекте корпус текстов, относящихся к жанру баллады в наследии По и Брюсова;
- исследовать балладную концепцию По и Брюсова в соотношении с предшествующей литературной традицией;
- исследовать реализацию переводческих принципов Брюсова в работе над текстами баллад Э. По;
- провести сопоставительный анализ баллад По и их переводов, осуществленных Брюсовым;
- осмыслить характер трансформации жанра баллады в оригинальном и переводном творчестве Брюсова.

Научная новизна диссертации обусловлена, во-первых, тем, что в ней впервые делается попытка выявить весь корпус баллад в творчестве как Э. По, так и В. Брюсова и установить признаки, характеризующие жанровую концепцию баллады у русского и американского поэтов; во-вторых, тем, что оригинальные баллады Брюсова и переведенные им стихотворения По впервые исследуются в жанровом ключе. Кроме того, в научный оборот вводятся некоторые ранние стихотворения, наброски и не опубликованные Брюсовым переводы баллад По, хранящиеся в фонде В.Я. Брюсова в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Все это позволяет дополнить как картину русской рецепции Э. По, так и характеристику творчества каждого из двух поэтов, а также прояснить некоторые аспекты, касающиеся общих вопросов поэтического перевода и конкретно переводческих позиций В. Брюсова.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют работы, посвященные теоретическим проблемам сравнительного литературоведения (А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Д. Дюришина), вопросам теории и истории жанров, в частности баллады (С.Н. Бройтмана, Л.Н. Душиной, О.В. Зырянова, Р.В. Иезуитовой и др.), исследованию творчества В. Брюсова (М.Л. Гаспарова, С.И. Гиндина, Д.Е. Максимова, К.В. Мочульского и др.). В работе используются сравнительно-исторический, системно-типологический методы и приемы сопоставительного анализа.

На защиту выносятся следующие положения.

- Жанровая концепция баллады, не получившая у Брюсова целостной разработки, поддается реконструкции путем обобщения его разрозненных теоретико-критических суждений и анализа оригинальных поэтических опытов в этом жанре.

– В художественной практике Брюсова обращение к жанру баллады во многом определялось задачами литературной стилизации, что обусловило не только использование разных историко-культурных модификаций баллады, но и соединение и варьирование их признаков в одном произведении, и их свободное сочетание с индивидуальными чертами собственной поэтической манеры и элементами обобщенного стиля классической поэзии.

– Интерес Брюсова к личности и творчеству Э. По носит системный и устойчивый характер. Э. По привлекал Брюсова не только как художник-новатор, отвечающий потребностям современного искусства, но и как яркая личность, соединяющая мистические и научно-рациональные устремления. Восприятие поэзии и новеллистики Э. По Брюсовым в значительной мере определялось спецификой его собственной творческой индивидуальности.

– Осмысление основных жанровых признаков, характеризующих стихотворения Э. По, отмеченные самим автором как баллады, и выявление черт народной и литературной баллады в ряде других стихотворений позволяет выделить в его творчестве корпус баллад и составить представление о балладной концепции американского романтика.

– Баллады Э. По отражают как тематическое, образное, метрико-ритмическое и интонационное своеобразие его поэзии, так и специфику его картины мира.

– Переводя баллады Э. По, Брюсов осознает и стремится передать их жанровую природу, что проявляется в придании им черт, характеризующих его собственную балладную поэтику, и существенно изменяет содержащуюся в них картину мира.

– Основное направление и характер отступлений от оригинала при переводе баллад американского романтика, несмотря на эволюцию переводческих принципов Брюсова, оставались неизменными и определялись своеобразием его собственной балладной концепции и спецификой его восприятия личности Эдгара По.

– Главной особенностью интерпретации жанра баллады как в оригинальном, так и в переводном творчестве Брюсова является усиление индивидуально-личностного начала, ведущее к трансформации баллады в направлении жанра новеллы.

Научно-практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования материалов исследования в курсах по истории литературы XX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвя-

ценных изучению русско-зарубежных литературных связей, истории поэтических жанров, проблем художественного перевода.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в виде докладов, прочитанных на международных и всероссийских научных конференциях: «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (ТГУ, 2003, 2004), «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (ТГУ, 2005, 2006), «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (ТПУ, 2005, 2006), «Русская литература в современном культурном пространстве» (ТПУ, 2004, 2006), «Наука и образование» (ТПУ, 2005, 2006), «Молодежь и наука XXI века» (Красноярск, КГПУ, 2006).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, включающего тексты баллад По, их подстрочный перевод и переводы, осуществленные В. Брюсовым.

Основное содержание работы

Во **Введении** обозначается предмет изучения, обосновывается тема исследования и ее актуальность; формулируются цели и задачи, определяется методологическая база; раскрываются основные положения, выносимые на защиту, и научная новизна работы.

В **главе 1 «Балладное творчество Э. По»** очерчивается и анализируется в жанровом ключе корпус баллад в поэзии По. В **разделе 1.1. «Трансформация жанра баллады в романтическую эпоху»** прослеживается история становления жанра литературной баллады в Европе и США и дается ее общая характеристика. На фоне пробуждающегося во второй половине XVIII века интереса к истории, к народному прошлому Т. Перси выпускает большое собрание старинных баллад и песен. Фольклорные публикации Перси и его последователей (И.Г. Гердера, К. Brentано, Л. Ахима фон Арнима) породили аналогичный жанр литературной баллады, который достиг своего расцвета и высшей популярности в эпоху романтизма, когда он на некоторое время занял едва ли не ведущее место в поэзии. Распространению жанра баллады в литературе особенно способствовала «Ленора» (1773) Г. Бюргера. Жанр романтической баллады характеризуется довольно широкой амплитудой жанровых признаков, что обуславливает возможность его варьирования в творчестве разных поэтов.

Американская романтическая баллада (Г. Лонгфелло, Д. Уитьер) отмечена прежде всего интересом к национальному прошлому, поэтому в США она в основном развивалась под влиянием исторических баллад В. Скотта, а не лирических баллад С. Кольриджа или Д. Китса; однако Э. По акцентирует не социально-исторический, а индивидуально-психологический аспект.

В разделе 1.2. «Жанровая специфика “Bridal ballad” и “Ulalume – a ballad” Э. По» исследуются специфические черты баллад По, эксплицированные в двух балладах, которые он сам снабдил соответствующим жанровым определением. Несмотря на разное время написания, объем и сюжет «Bridal ballad» (1837) и «Ulalume» (1847) имеют ряд общих черт, которые обнаруживаются при анализе этих стихотворений в жанровом аспекте.

Сюжет баллад По в соответствии с балладной традицией строится на событии встречи между двумя мирами: земным и потусторонним, причем при ослаблении у персонажей рационального контроля над своими действиями. Событийность баллад размыта, пейзаж условен, на первый план выступают герои и их восприятие мира, а поскольку в них рациональное начало приглушено, то особое внимание уделяется их бессознательной сфере. Для описания этой сферы не существует соответствующего языка, поэтому поэзия По в целом глубоко иносказательна. Романтики развили в балладе преимущественно лирическое, эмоциональное начало. Э. По также делает акцент на лиризме, который у него специфичен: По передает самый глубинный, иррациональный «слой» душевной жизни героя во взаимодействии с рациональным анализом, тем самым представляя парадоксальную неоднородность лирического субъекта. Лиризм создается во многом и благодаря специфической балладной музыкальности, которая порождается разнообразными повторами. В балладах По сохраняется и характерная для этого жанра драматическая составляющая: в «Bridal ballad» героиня говорит с мертвым женихом; центральная часть «Ulalume» строится как диалог между героем и его Душой (но он крайне размыт, так как ведется в сознании лирического героя).

На основании признаков, выявленных при анализе этих баллад По, и учитывая предыдущий опыт бытования жанра, можно отнести к балладному жанру еще ряд стихотворений, не получивших у По такого жанрового определения: «Lenore» («Линор») (1831–1849), «The Raven» («Ворон») (1845), «Annabel Lee» («Аннабель Ли») (1849), «Eldorado» («Эльдорадо») (1849).

Раздел 1.3. «Сюжет о мертвом женихе (невесте) в балладах Э. По» посвящен анализу «A Paean», «Lenore», «The Raven» и «Annabel Lee». Образы мертвой невесты и жениха имеют фольклорную основу и широко представлены в различных национальных традициях. Но особенно востребованы они оказались в эпоху романтизма. Романтики обратились к смерти и любви как к предметам эстетического осмысления, так как они способны оказать мощное эмоциональное воздействие на читателей, которое приобщит их к миру Высшей Красоты.

Мотив «мертвой невесты», имеющий для Эдгара По реально-биографическое значение и часто реализуемый в его творчестве, актуализирует для него жанровую модель литературной баллады, восходящую к «Леноре» Г. Бюргера, которая, по признанию По, произвела на него сильное впечатление. Сюжет «Леноры» отражается во многих его собственных произведениях, в том числе балладах: образ мертвого жениха мы встречаем в «Bridal ballad», умершую возлюбленную – в «Ulalume» и исследуемых в этом разделе балладах. Имя Lenore появляется в балладах «Lenore» и «The Raven». Но основа балладной коллизии в стихотворениях По радикально переосмыслена: у Бюргера противопоставление личности мирозданию ведет к наказанию человека и утверждению основ бытия, а в балладах По человек осознает иррациональность бытия, но не может вырваться из него, являясь его частью.

В разделе 1.4. «Баллада “Eldorado”» анализируется одно из самых совершенных произведений Э. По; оно привлекает многих исследователей, однако у них нет единого мнения даже о том, считать ли его оптимистическим или пессимистическим. К первой точке зрения относятся работы С.А. Смита (1912), О.С. Коада (1944), Т.О. Мабботта (1945), И.Г. Даниловой (1982), Э.Д. Удальцовой (1988). Вторую поддерживают В.С. Сандерлин (1956), И.С. Приходько (1977). Для интерпретации стихотворения важную роль играет его жанровая принадлежность. Внимательное прочтение «Eldorado» с учетом специфики мировоззрения, творческих установок По и выбранного им жанра баллады подтверждает его пессимистическую концепцию человеческого бытия как трагического единоборства человека с миром, представление о невозможности счастья. На выражение авторской идеи направлено все – система образов, композиция, интонационное движение, звуковая организация, рифмы, повторы-рефрены и выбранный жанр. Стихотворение «Eldorado» наделено некоторыми признаками

народной баллады (лироэпическое повествование от третьего лица, ритм, трагический диалог и встреча с потусторонним миром), однако оно намного сложнее фольклорных баллад и по форме, и по онтологической концепции.

Таким образом, анализ баллад Э. По показал, что в них американский поэт соприкасается с разными образцами бытования жанра. Так, «A Raean», «Bridal ballad», «Annabel Lee», «Eldorado» имеют некоторые вполне узнаваемые формальные признаки народных баллад (схему рифмовки, ритм, строфику); с другой стороны, почти все баллады содержат в своей основе сюжет о мертвом женихе (невесте), связанный для По прежде всего с бюргеровской «Ленорой» и характерный для литературной романтической баллады. Однако Э. По существенно трансформирует основные составляющие жанра баллады. На первый план в его балладах выносятся лирическое начало, эпическое же в основном редуцируется за счет вытеснения описательности метафоричностью; драматическое начало проявляется главным образом в остроте коллизии между сознанием героя баллады и непостижимой иррациональностью миропорядка. Эта коллизия осложняется присутствием иррационального начала в самом герое По, обуславливающим неразделимость «я» и мира.

Материалом главы 2 «Жанровая концепция баллады у В. Брюсова» являются двадцать четыре оригинальные баллады русского поэта, имеющие авторское обозначение жанра, системный анализ которых позволяет выявить основные характеристики брюсовской балладной концепции, чтобы в дальнейшем проследить, как его жанровое мышление влияет на перевод баллад Эдгара По. Глава состоит из шести разделов.

В разделе 2.1. «Балладное творчество В. Брюсова в контексте русской балладной традиции» прослеживается история жанра баллады в России. Жанр баллады занял важное место в развитии русской поэзии. Баллады на Руси, по предположению ученых (Д.М. Балашова, Н.И. Кравцова, С.Г. Лазутина, А.В. Кулагиной и др.), возникли на рубеже XIII–XIV веков. Русская литературная баллада, появившаяся в конце XVIII века, с одной стороны, выростала из русской народной, а с другой стороны, ее создатели широко пользовались западноевропейскими образцами, которые уже имели определенную законченность поэтической формы и были широко представлены в творчестве таких поэтов, как Бюргер, Шиллер, Гете.

Каждый поэт наполняет определенную жанровую структуру в соответствии с установками литературной эпохи и своим творческим методом. Лирические жанры в литературе рубежа XIX–XX веков претерпевают значительную трансформацию. Жанр баллады в это время воспринимался как не свойственный этой эпохе, поэтому обращение к нему часто имело характер стилизации (например, воссоздание строфической формы старофранцузских баллад М.А. Кузминым). В одной из статей того времени традиция была названа «старушкой», а стилизация охарактеризована как ее «молодая, прекрасная сестра»¹.

В лирике В. Брюсова баллады занимают большое место. В примечании к книге «Опыты» (1918) он демонстрирует вполне четкое понимание старофранцузской баллады как лирического стихотворения с жесткой строфической организацией, неизменными атрибутами которой являются система рифмовки и рефрен; и менее четко сформулированное, однако достаточно ясное представление о другой жанровой разновидности, выросшей в романтизме из англо-шотландских фольклорных корней и характеризующейся прежде всего родовым синкретизмом. В непосредственной поэтической практике Брюсов, однако, не так принципиально разграничивал эти два типа баллады.

Первые опубликованные опыты в этом жанре рассматриваются в **разделе 2.2.** «Ранние баллады В. Брюсова. Сборник “Urbi et Orbi”». «Предание о Луне. Баллада» помещена в разделе «Лирические поэмы» сборника «Tertia vigilia» (1900). Жанровая установка, данная подзаголовком стихотворения, подкреплена эпиграфом из баллады К. Бальмонта «Замок Джэн Вальмор» (1899). Баллада Брюсова вступает в диалог как с ближним объектом – стихотворением Бальмонта, – так и с романтической традицией, причем не только балладной; особенно заметны отголоски новалисовского «голубого цветка» и лирической миниатюры Гейне-Лермонтова «На Севере диком стоит одиноко...». Романтическая традиция видится и в реализации темы любви через мотивы одиночества, мечты, двоemiрия. Брюсов полностью реабилитирует индивидуальное стремление, освобождая его от сгущенных Бальмонтом негативных тонов, что соответствует культуре «я», утверждаемому в его творчестве как в нравственно-психологическом, так и в художественно-эстетическом плане. В этой балладе явно присутствует лирическое начало, недаром она включена в раздел «Лирические поэмы»; но внутреннее состояние раскрывается во внешнем действии

¹ Аничков Е.В. Традиция и стилизация // Театр. Книга о новом театре. – СПб., 1908. – С. 60.

и драматической коллизии, что является существенным жанровым признаком баллады.

Близки по времени к «Преданию о Луне» следующие баллады Брюсова, вошедшие в раздел «Баллады» сборника «Urbi et Orbi» (1903). Раздел составлен из стихотворений, написанных в самом начале 1900-х годов, но окончательно оформился он только к 1914 г. Общее число баллад составило двенадцать, а порядок их расположения таков: 1) «Раб», 2) «Пеплум», 3) «Рабыни», 4) «Помпеянка», 5) «Мессалина», 6) «Путник», 7) «Призыв», 8) «Адам», 9) «В сумраке», 10) «Решетка», 11) «У моря», 12) «Мальчик». Брюсову-поэту свойственно деление книг стихов по тематическому признаку, однако книга «Urbi et Orbi» организована иначе: разделы в ней выделены по жанровому признаку. В предисловии к книге Брюсов поясняет: «Стихи соединены в ней... по внешним признакам. <...> Но различие формы всегда было вызвано различием содержания»¹. Действительно, стихотворения, вошедшие в раздел «Баллады», схожи: имеют преимущественно эротическое содержание; по форме представляют собой лиро-эпические стихотворения, развертывающиеся как драматический монолог или диалог, состоят из четверостиший, написанных двусложными размерами. Цикл «Баллады» сборника «Urbi et Orbi» имеет внутренний «метасюжет», который связан с глубинной жанровой сущностью баллады. В стихотворениях этого цикла подвергаются испытанию на прочность границы, определяющие миропорядок; соответственно жанровому канону в итоге подтверждается незыблемость его законов, но при этом делается акцент на проявлении индивидуально-личностного начала. В балладах сборника «Urbi et Orbi» отсутствует жесткая строфическая форма старофранцузских баллад, но так же, как в них, представлено любовное содержание. От романтической баллады в этот цикл привнесён драматизм сюжета, базирующийся на столкновении человека с границами, образующими структуру мира.

Следующие по времени опубликования баллады Брюсова представлены в **разделе 2.3.** «Баллады в книге “Сны человечества”». Книга «Сны человечества» (1911–1917) носит систематизаторский характер. Ее программной задачей было представить «все формы, в какие облеклась человеческая лирика»², воссоздать культурную историю человечества. Задача сборника решалась как с помощью перевода, так и

¹ Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. – М., 1973. Т. 1. – С. 605.

² Брюсов В.Я. Объяснение автора к «Снам человечества» // Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Т. 2. – С. 460.

путем оригинального творчества, хотя грань между ними здесь весьма условна. Так, переведенное из Вийона стихотворение «Баллада о женщинах былых времен» довольно существенно преобразилось, главным образом за счет усиления в нем лирико-эмоциональной интонации, а также благодаря последовательному введению в текст поэтических формул классической лирики («перл бесценный», «тихий берег», «красою несравненной» и т.п.), в связи со стремлением Брюсова передать прежде всего лирическое начало как специфичное для старофранцузской разновидности жанра баллады.

«Смерть рыцаря Ланцелота» представляет в книге «Сны человечества» другой тип баллады. Здесь тщательно воспроизведены многие характерные черты англо-шотландской фольклорной баллады: традиционные для нее строфика, размер и рифма; драматизм, связанный с противостоянием персонажей и проявляющийся не только в диалогах и действии, но и в активном использовании противительных конструкций; мрачный эмоциональный тон, задаваемый троекратным повтором рифмы «Артур – хмур»; наличие волшебного мотива, связанного с чарами Морганы.

В разделе «Романтические баллады» стилизаторская установка Брюсова проявляется с наибольшей интенсивностью, перерастая в игровой диалог с предшественниками. Так, «Похищение Берты» опирается на сюжет «Песни о Роланде» и, подобно «Смерти рыцаря Ланцелота», сохраняет отголосок той же далекой эпохи в виде волшебного элемента (нападение великана). Однако особая направленность этой стилизации обнаруживается ее стихотворной формой: строфа полностью соответствует балладе Шиллера-Жуковского «Граф Гапсбургский», на которую, в свою очередь, ориентировался Пушкин в «Песни о вещем Олеге» (где строфическая организация воспроизводит образец Жуковского, но без последних четырех строк, сюжет же восходит к другой балладе Жуковского – «Роланд-оруженосец», – переведенной из Л. Уланда). Таким образом, получается замкнутый круг взаимных адресаций, позволяющий предположить, что определение «Романтическая баллада» обозначало главным образом стилизационную игру с теми образцами, которые, с точки зрения Брюсова, являлись репрезентативными для этой разновидности жанра. Модификациями, произведенными в процессе их обыгрывания, оттеняются константные для Брюсова параметры романтической баллады, к числу которых можно отнести, помимо усложненной строфики, еще и доминирование эпико-повествовательного начала при весьма обильном участии драмати-

ческого и редуцированном лирическом; а также сюжетную организацию, тяготеющую к финальному пуанту.

В таком виде баллада сближается с жанром новеллы. По справедливому замечанию О.В. Зырянова, «в специфике жанровой структуры баллады и новеллы уже заложены предпосылки для их взаимодействия» (фабульная краткость и повествовательный лаконизм, установка на сюжетную увлекательность, драматизм действия)¹. Самое существенное различие баллады и новеллы заключается в позиции человека. Для новеллы характерна «моральная автономия действующего субъекта»: по сравнению с героем баллады он «менее зависим от сверхличных сил, сохраняет за собой свободу выбора...»².

В разделе 2.4. «Сборник рассказов “Земная ось” в свете балладного творчества В. Брюсова» исследуются основные мотивы и образы сборника, выявляется их связь с творчеством По. В брюсовской трактовке романтической баллады можно усмотреть отражение общей для русской литературы «новеллистической тенденции» (О.В. Зырянов) в эволюции жанра. В этой связи отметим и характерный именно для Брюсова повышенный интерес к новелле; достаточно многочисленные опыты в этом жанре давали ему возможность наиболее адекватно художественно реализовать свои индивидуалистические интенции. Показательно, что внимание Брюсова к творчеству Эдгара По было связано в значительной мере и с его новеллами. Так, в предисловии к сборнику рассказов «Земная ось» (1907) Брюсов признался: «Никто не знает лучше меня и острее меня не чувствует недостатков этой книги. Я сознаю, что в таких рассказах, как “Республика Южного Креста” или “Теперь, когда я проснулся” слишком сильно сказывается влияние Эдгара По»³. Брюсов выделил два вида рассказов: «рассказы характеров», в которых действие имеет лишь одно назначение – «дать возможность действующим лицам полнее раскрыть свою душу перед читателями», и «рассказы положений», в которых внимание автора обращено на «исключительность события», а «действующие лица здесь важны не сами по себе, но лишь в той мере, поскольку они захвачены основным “действием”» (так у Эдгара По). Собственные рассказы он относил исключительно ко второму виду. Причисляя свои новеллы к «рассказам положений», как у Э. По, Брюсов делает акцент не на пси-

¹ Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. – Екатеринбург, 2003. – С. 348.

² Там же. – С. 349.

³ Брюсов В.Я. Земная ось. – М., 1907. – С. VIII.

хологической характеристике героя, но на его активности по отношению к описываемым событиям, что переносится и в его собственные баллады.

В разделе 2.5. «Баллады в сборнике “Семь цветов радуги”» исследуются последние опубликованные самим автором баллады. В сборнике Брюсова «Семь цветов радуги» (1916) раздел «Голубой» содержит цикл «В старинном замке», название которого является цитатой из стихотворения К. Бальмонта «Замок Джэн Вальмор»; кроме того, циклу предпослан эпиграф из этого стихотворения, уже использованный Брюсовым в «Предании о Луне». Очевидно, в данном случае он призван служить сигналом для определенного жанрового настроения, который в полной мере реализуется первыми четырьмя стихотворениями, обозначенными как «баллады» («Баллада ночи», «Баллада о любви и смерти», «Баллада воспоминаний», «За картами»), но подтверждается и следующим, замыкающим этот цикл, – «Секстина», – ориентированным хотя и на другой жанр, но в подобном же ключе. Все четыре «Баллады» выдержаны в строгой форме старофранцузской лирической баллады со всеми ее необходимыми атрибутами. Однако соседство в рамках раздела создает здесь, как и в предыдущих случаях, эффект циклического единства, тем самым существенно переакцентируя жанровую структуру. Циклообразующей основой, помимо жанра, становятся скрепляющие эти стихотворения образно-тематические мотивы, к числу которых относятся любовь, смерть, время, память, закат, сон и др. Эти мотивы развиваются и в последнем стихотворении цикла, распространяя инерцию смыслового движения за рамки балладной формы, «баллады» же играют роль отдельных граней, вариантов утверждаемой онтологической позиции.

В разделе 2.6. «Не опубликованные В. Брюсовым баллады» анализируются четыре стихотворения разных лет с одинаковым названием – «Баллада». Баллады «Иных не знаю в жизни верных вех...» (1914), «Над каждой дверью – древний герб...» (1915), «Горит свод неба, ярко-синий...» (1916) связывает между собой подчеркнутая ориентация на жанровый канон старофранцузской баллады, а также тематика жизненного итога, сводящего воедино интимную и творческую грани личности, в результате «Баллады» становятся лирическим повествованием о событии уникальной жизни, что, несмотря на отсутствие внешней сюжетной событийности, сближает их с общей тенденцией новеллистической трансформации жанра в творчестве Брюсова.

Последняя из оригинальных баллад Брюсова не является оригинальной в полном смысле, о чем свидетельствует само ее название: «Баллада. Подражание Вальтеру Скотту» (1918). Эта баллада представляет собой весьма вольное переложение серенады Кливленда из романа Скотта «Пират». Брюсов направляет балладную проекцию на стихотворение совсем иного жанра и подвергает его весьма существенной перестройке. Изменяется ритм, система рифмовки, строфика. Брюсов отказался от деления на три пронумерованные шестистрочные строфы и, отделив от каждой последнюю строку, придал ей графическое сходство с рефреном. Принципиально важно появление лирического «я» («со мной»), которое обуславливает не только яркость и конкретность самовыражения субъекта, но и, благодаря интенсивности личных обращений, драматический характер скрытого диалога. Возросшая эмоциональная насыщенность проявилась в синтаксисе и пунктуации: к трем, как и в оригинале, восклицательным знакам Брюсов добавил еще три многоточия и два тире. Переводчик трансформировал и пейзаж: вместо «пальмовых рощ» появляется «лес темный», более органичный для баллады в ее романтической традиции.

Наблюдения над оригинальными балладами Брюсова позволяют, таким образом, довольно существенно уточнить его теоретические суждения о жанре баллады и связать его трактовку этого уже несомненно архаического на рубеже веков жанра не только с весьма типичной для «серебряного века» культурологической игрой и стилизацией, но и с некоторыми характерными чертами его творчества, прежде всего – с активностью индивидуально-личностного начала, проявляющейся в специфической трансформации основных составляющих баллады (лирической, эпической, драматической) в направлении жанра новеллы, для которого органична более свободная и широкая инициативность субъекта.

В главе 3 «Баллады Э. По в контексте переводческой деятельности В. Брюсова» на материале переводов баллад По рассматривается балладная концепция Брюсова, его теоретические установки на перевод и личностное восприятие американского романтика. **Раздел 3.1.** «Теория перевода В. Брюсова» характеризует переводческие принципы Брюсова. В рабочих тетрадях Брюсова 1890-х годов были как переводы из символистов и предсимволистов, так и оригинальные стихотворения, иноязычное произведение являлось лишь отправной точкой для собственных экспериментов в стиле переводимого автора. К 1900 году у Брюсова складывается собственный художест-

венный стиль. Как отмечает М.Л. Гаспаров, «экспериментаторский интерес сменяется коллекционерским и просветительским»¹. В 1905 году Брюсов выступает со статьей «Фиалки в тигеле», в которой формулирует дифференцированный подход к переводимым текстам: переводчик должен увидеть в стихотворении и точно передать «основной элемент», которому подчиняются все остальные, чтобы читатели, знакомые с подлинником, так же как и те, которые располагают лишь переводом, получали одни и те же впечатления от текста. В 1910-е годы Брюсов вносит в теорию перевода более углубленное и дифференцированное понимание поэтической формы и соответствующее требование передачи выявленных ее особенностей в переводе.

Позднюю переводческую установку Брюсова некоторые исследователи характеризуют как буквализм. Так, М.Л. Гаспаров в статье «Брюсов и буквализм» приходит к выводу, что «буквализм был для него не “издержкой производства”, а сознательно поставленным перед собой заданием»². Ю.Д. Левин отмечает определенную тенденцию Брюсова к буквализму, но замечает, что она не приводила к антихудожественным результатам. Мы считаем, что принцип перевода у Брюсова зависит от самого переводимого материала, поэтому прямое соотнесение способа передачи иноязычного оригинала с тем или иным этапом его переводческой деятельности не всегда возможно.

В разделе 3.2. «Баллады в переводе В. Брюсова» рассматриваются публикации Брюсовым переводов ряда стихотворений, относящихся к жанру баллады. Это «Баллада Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда (1912), «Баллада о женщинах былых времен» Ф. Вийона (1913), «Ивиковы журавли» Ф. Шиллера (1913) и «Баллада» П. Фора (1913). Анализ перевода стихотворения Вийона «Ballade des dames du temps jadis» включается Брюсовым в книгу «Сны человечества» как образец французской строфической баллады (см. ее анализ в разделе 2.3). Обращение русского поэта к Уайльду и перевод его баллады достаточно полно освещены в статьях М.Г. Аратяна, М.А. Козыревой, Т.В. Павловой.

Брюсов подвергает стихотворение Фора «Cette fille, elle est morte, est morte dans ses amours» весьма существенной трансформации. Обозначив жанр в названии, Брюсов переакцентирует все произведение в соответствии с балладной традицией: придает ему графиче-

¹ Гаспаров М.Л. Брюсов – переводчик. Путь к перепутью // Гаспаров М.Л. Избранные труды. – М., 1997. Т. 2. – С. 123.

² Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода. Сб. 8. – М., 1971. – С. 91.

ское сходство с канонической старофранцузской балладой; изменяет стихотворный размер, взяв ритмическую схему стихотворений Г. Гейне из его раннего сборника «Книга песен», которая позволила маркировать в переводном стихотворении характерное для старинной баллады лирическое начало. В результате поэтическая миниатюра Фора объединила в себе признаки различных жанровых модификаций баллады, став, в соответствии со своим новым названием, своего рода инвариантным образцом жанра.

В переводе баллады «Die Kraniche des Ibycus» Шиллера проявляется как использование Брюсовым богатого опыта предшественников (формул обобщенно поэтического стиля; романтических штампов; «Чу!», ставшего своеобразной приметой баллад Жуковского), так и некоторые черты его собственного творчества. Таким образом, Брюсов при переводе баллад осознает жанровую специфику текстов, поэтому нередко его переводы корректируются как огромной балладной традицией, так и собственной балладной концепцией.

В разделе 3.3. «История перевода стихотворений Э. По “The Raven” и “Eldorado”» производится анализ указанных баллад По, которые имеют несколько вариантов перевода, осуществленных Брюсовым. Перевод поэтического наследия Эдгара По стал делом всей жизни Брюсова. Первые творческие контакты с По приходятся на 1890-е годы, когда молодой русский поэт предпринял попытки перевода его баллад («Ulalume» и «The Raven»). В 1905 году в «Вопросах жизни» появляется первый перевод Брюсова из Э. По – «Ворон». К работе над переводами Эдгара По Брюсов относится очень ответственно. Некоторые стихотворения имеют несколько вариантов, выполненных в разные годы. Так, «Ворон» имеет четыре опубликованные редакции перевода (1905, 1911, 1915, 1924). Неоднократные обращения к наследию американского романтика увенчались уже на склоне жизни Брюсова изданием в его собственном переводе Полного собрания поэм и стихотворений Эдгара По (1924).

Вероятнее всего, что именно с «Ворона» началось знакомство Брюсова с поэзией По. 4–5 июля 1895 появляется набросок перевода первой строфы. Перевод этот весьма вольный, многие образы переданы не точно («пленный», «безучастный»), либо потеряны, некоторые добавлены самим Брюсовым («шутка», «не без труда»). Начинающий переводчик стремится в первую очередь передать размер и рифмовку «The Raven».

Перевод всей баллады появляется в печати в тот же год, что и статья «Фиалки в тигеле» (1905), в которой Брюсов говорит о невозможности адекватной передачи всего произведения и раскрывает свой метод перевода, основанный на сохранении главного элемента подлинника. В «Вороне» в качестве основного элемента для адекватной передачи предстает область строфики, рифмы и ритма. Образная же сторона подлинника передана весьма вольно. Брюсов своими средствами пытается произвести тот же «эффект», что и оригинал. В стихотворении По разыгрывается мировая драма, заключающаяся в столкновении двух противоположных начал бытия (рационального и иррационального). В переводе Брюсова ее масштабы существенно локализируются. Смятение рационального начала в противоборстве с иррациональными силами происходит в самом лирическом герое. Действия и состояния героя у Брюсова прописаны гораздо более конкретно и зримо, с эпической обстоятельностью. Особенно показательна в переводе существенная активизация визуального начала (которое в оригинале явно подчинено аудиальному), что придает происходящему характер безусловной реальности. Визуальная активность субъекта отражает усиление его фронтальной противопоставленности миру по сравнению с оригиналом, где лирический герой не имеет такого определенного пространственного положения. Это служит косвенным, но достаточно убедительным проявлением конфронтационной, конфликтной позиции человека по отношению к миру, воспринимаемому им с индивидуально-волевой установкой.

Новые варианты перевода весьма существенно отличаются от первого. В силу установки на максимальную точность многие из выявленных нами в нем отступлений от оригинала здесь оказались устранены, но наиболее характерные черты брюсовской манеры сохранились (усиление визуального начала, рационально-волевая определенность в действиях и переживаниях лирического героя). Стихотворение Э. По в переводе Брюсова оказывается, таким образом, выражением полной драматизма конфронтации индивида с миром, который персонафицируется в различных вариантах: эхо, ворон, «Вещий».

Уже первые переводы из По выявили некоторые особенности переводческой манеры Брюсова, которые отражали принципиальные черты его мировидения, связанные прежде всего с его индивидуалистическим представлением о человеке и с резкой поляризацией картины мира соответственно устремлениям героя. Своим мировосприятием Брюсов наделяет и Эдгара По. Впоследствии переводы подверга-

лись изменениям, но основные признаки такого мирообраза не только сохранялись, но во многом и усиливались, находя выражение в особенностях поэтики. Это позволяет говорить о «новеллизации» как о существенной особенности подхода Брюсова к балладному жанру, которая получила яркое проявление применительно к творчеству Э. По в силу глубоких различий мировидения двух поэтов.

В разделе 3.4. «Баллады в изданном В. Брюсовым собрании переводов поэзии Э. По» анализируются «Пэан», «Линор», «Свадебная баллада», «Юлалюм» и «Аннабель Ли». Переводя баллады Э. По, Брюсов наделяет его героев активностью, четко очерченной позицией по отношению к другим персонажам и к миру, а также усиливает эпико-повествовательную сторону оригиналов. Так, в «Bridal ballad» По общее интонационно-смысловое движение идет от повествовательной нейтральности (первая и вторая строфы) через повышение эмоционального тона (третья и четвертая строфы, оканчивающиеся восклицательными знаками) к вопросу в последней строфе, который именно в силу своей интонационной непроявленности не сводится к «голосу» и к характеристике героини баллады, а связывается с более высоким уровнем онтологической концепции. В переводе этот смысловой ход нарушается, будучи переориентирован прежде всего на передачу внутреннего состояния героини, столкнувшейся с явлением трансцендентного мира. Таким образом, оказавшись, как и в оригинале, в сугубо балладной ситуации встречи с потусторонней силой, героиня у Брюсова обрисована с новеллистическим вниманием к внешним и внутренним характеристикам ее индивидуального поведения.

В «Ulalume» По мир предстает в ряде разнородных обликов, соотношение которых не поддается иерархическому упорядочиванию и среди которых человеческое сознание не только не обладает центральным (и вообще сколько-нибудь прочным) положением, но и не имеет возможности ориентироваться. В переводе же выстраивается единая и однородная картина мира, сфокусированная на лирическом герое, который выстраивает сюжет вокруг себя, подчиняет мир логике своих чувств, которая хотя и строится не на рациональных, а на субъективно-эмоциональных основаниях, все же имеет внутреннюю закономерность, устойчивость. Лирический субъект По говорит на языке сложных символов и аллегорий, так как по-другому нельзя описать этот иррациональный, неясный мир. Речь лирического героя Брюсова более четко выстроена и наделена большей эмоциональной яркостью.

Такая интерпретация баллад По обуславливается распространением на них той новеллистической тенденции в освоении жанра, которая свойственна оригинальному творчеству Брюсова и проявляется при переводе баллад других авторов. Кроме того, у Брюсова вырисовывается свой образ Э. По, обладающий индивидуальной активностью, которым определяется характер его произведений в переводах русского поэта. Этот акцент в осмыслении Э. По на силе его личности свидетельствует о наличии у Брюсова своего «мифа» Э. По, соответствующего его собственным устремлениям. Основание для подобной трактовки самого По и его баллад давала Брюсову и та сила духа, с которой герои американского романтика осознают трагичность своего положения в мире.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и определяются перспективы развития темы: выявление и исследование баллад и характера их жанровой трансформации в творчестве современников В. Брюсова; проведение сопоставительного анализа баллад По и их переводов, осуществленных К. Бальмонтом, Д. Мережковским, В. Федоровым и др.; выявление в поэтическом наследии По и Брюсова других жанров (например, сонета), анализ своеобразия их жанровой концепции и особенностей ее реализации в оригиналах и переводах.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**.

1. Коноваленко А.Г. В. Брюсов – переводчик баллад Э. По («Аннабель Ли») // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Сб. трудов молодых ученых. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение. – Томск: ТГУ, 2004. – С. 164–166.
2. Коноваленко А.Г. В. Брюсов – переводчик Э. По // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы III Всероссийской научной конференции (4–5 ноября 2004 года): В 3 ч. Ч. 1. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2005. – С. 249–254.
3. Коноваленко А.Г. Мотив мертвого жениха в «Свадебной балладе» Э. По и переводе В. Брюсова // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. статей V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ч. 2. – Томск: Томский политехнический университет, 2005. – С. 103–109.

4. Коноваленко А.Г. Сюжет о мертвой невесте в балладах Э. По и В. Брюсова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых 22–23 апреля 2005 г. Вып. 6. Ч. 2: Литературоведение. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 101–103.
5. Коноваленко А.Г. «Lenore» Э. По в переводе В. Брюсова // IX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2005 г.): Материалы конференции: В 6 т. Т. 2. Ч. 1: Филология. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2005. – С. 85–91.
6. Коноваленко А.Г. Организация художественного пространства в «Ulalume» Э. По и переводе В. Брюсова // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. материалов VI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск: Томский политехнический университет, 2006. – С. 228–230.
7. Коноваленко А.Г. Жанр баллады в творчестве Эдгара По // Молодежь и наука XXI века: по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 23–24 мая 2006 г.: В 2 т. Т. 2. – Красноярск, 2006. – С. 173–175.
8. Коноваленко А.Г. Версия бюргеровского сюжета о мертвом женихе (невесте) в балладе Э. По «Lenore» и переводе В. Брюсова // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах: От романтизма к модернизму: Материалы российско-германского семинара 24–28 апреля 2006 г. – Томск: ТГУ, 2006. – С. 225–229.
9. Коноваленко А.Г. Баллада Э. По «Eldorado» в переводе В. Брюсова // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. – Томск: ТГУ, 2006. № 110. – С. 54–58.
10. Коноваленко А.Г. Валерий Брюсов – переводчик баллад Эдгара По (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. – Томск: ТГУ, 2007. № 294. – С. 79–84. В соавторстве с Н.Е. Разумовой.